

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

Встроенное повествование и национальный дискурс: нарративные стратегии Акунина в детективном рассказе «Нефритовые четки»

Лю Цзинцзюань

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай, jingjuan1203@163.com

Аннотация. В статье рассмотрена структура встроенного повествования в детективном рассказе Акунина «Нефритовые четки». Показано, что симметрия и зеркальность пространства и времени в сюжетно-композиционной структуре, связанной с дискурсами китайской и русской культуры, принимаются как нарративные стратегии для усиления авторской идеи гармоничного соединения Востока и Запада и создания новой евразийской национальной идентичности. И в национальном дискурсе проявляется стереотипное представление о Китае. Одновременно, под влиянием западных детективов и традиции русской литературы, Акунин стремится к инновациям в модели повествования при творческом использовании восточной культуры, чтобы добиться глубокого сопереживания от читателя.

Ключевые слова: Акунин, «Нефритовые четки», встроенное повествование, национальный дискурс, стереотип, новая евразийская национальная идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Шанхайского политико-юридического университета в рамках научно-исследовательского проекта для молодых ученых «Исследование китайского мифологического повествования в современной русской прозе» (проект №: 2022XQN15).

Для цитирования: Лю Цзинцзюань. Встроенное повествование и национальный дискурс: нарративные стратегии Акунина в детективном рассказе «Нефритовые четки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 142–148. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

Original article

Embedded Narrative and National Discourse: Akunin's Narrative Strategies in the Detective Story "Jade Rosary"

Liu Jingjuan

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China, jingjuan1203@163.com

Abstract. The article studies the structure of the embedded narrative in Akunin's detective story "Jade Rosary". It is shown that the symmetry and mirroring of space and time in the plot-compositional structure, associated with the discourses of Chinese and Russian culture, are accepted as narrative strategies to strengthen the author's position on the harmonious connection of East and West and on the creation of a new Eurasian national identity. The stereotypical thinking about the image of China is manifested in the national discourse. At the same time, influenced by Western detectives and the tradition of Russian literature, Akunin strives for innovations in the narrative model with the creative use of Eastern culture in order to achieve deep resonance from the reader.

Keywords: Akunin, "Jade beads", embedded narrative, national discourse, stereotype, new Eurasian national identity

Acknowledgments: This article is funded by the research project for young scholars "A research on Chinese mythological narrative in contemporary Russian novels" of Shanghai University of Political Science and Law (2022XQN15).

For citation: Liu Jingjuan. (2023). Embedded narrative and national discourse: Akunin's narrative strategies in the detective story "Jade Rosary". Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 2(870), 142–148. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

ВВЕДЕНИЕ

Борис Акунин – писатель с уникальным стилем в современной русской литературе. С тех пор как он вошел в литературный мир в конце XX века, его творчество стало центром внимания читателей, стало интенсивно обсуждаемым в литературно-художественных кругах. В последние годы все больше ученых в Китае и за рубежом сосредотачивают свое внимание на влиянии восточной культуры, особенно китайской, на творчество Акунина. Но мало кто уделял достойное внимание тесной связи между структурой встроенного повествования и национальным дискурсом в рассказе «Нефритовые четки» (2006), демонстрирующей влияние стереотипного мышления на межкультурные взаимодействия в творчестве писателя.

СТРУКТУРА ВСТРОЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ «НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ»

Нетрудно заметить, что композиционная структура детективного рассказа «Нефритовые четки» обладает ярко выраженным, своеобразными чертами встроенного повествования. В тексте внешнее (эксплицитное) повествование ведется от третьего лица. В третьем лице излагается история расследования знаменитым детективом Фандориным таинственного убийства с грабежом, жертвой означенного преступления становится московский антиквар Пряхин. Если внешнему повествованию соответствует внеязыковая реальность, то внутреннее (имплицитное) повествование строится из семантической среды текста. Оно ведется с точки зрения героя, Фандорина, личностное начало которого помогает читателю уловить суть волшебной легенды о китайских нефритовых четках.

Акунин использует структуру встроенного повествования для создания многослойности художественного пространства и дискурсивного мира, где реальность и фантастика переплетаются и сопоставляются в измерениях времени, пространства и уровня повествования. Их пересечения подчеркивают диалогичность и экспериментальность в повествовательной структуре. Вместе с тем напряженная повествовательная структура текста и наличие в нем культурного драйва придают детективному рассказу фольклорно-мифологические инсталляции с необходимой пространственно-временной широтой и большей художественной выразительностью.

Структура встроенного повествования способствует созданию резкого контраста между

встроенной внутренней историей и обрамленной внешней историей, формируя диалектические отношения противоположностей и взаимодополняемости в глубоком повествовательном взаимодействии.

Как отметил израильский критик Риммон-Кенан, различные уровни встроенной повествовательной структуры играют различные роли в раскрытии темы, «отношения, установленные между под-сюжетным слоем и сюжетным слоем, это отношения аналогии, т. е. сходства и контраста» [里蒙-凯南, 1989, с. 166]. Встроенная история и обрамленная история в рассказе «Нефритовые четки» имеют потенциально противоположную взаимосвязь на уровне повествования, в которой реалистическое пространство, видимое внешним рассказчиком, и мифическое пространство, воображаемое внутренним рассказчиком, образуют встроенную двухстрочную структуру по вертикали, способствующую развитию сюжета и дополняющую обе истории.

В этой повествовательной структуре ключевую роль играет Фандорин как герой-рассказчик встроенной истории и объект повествования обрамленной истории. В обрамленной истории внешний рассказчик в основном описывает двух героев Фондолина и графа Хруцкого. Последний явился только в начале и конце основной сюжетной линии, рассказывая об убийстве для стимулирования интереса детектива Фандорина к расследованию и раскрывая причину совершения грехов. Внешняя история в основном говорит о процессе расследования Фандорина и его разгадывания детективных загадок Хруцкого. История, встроенная во внутренний слой, показывает мифы и легенды о нефритовых четках и их магические функции в процессе раскрытия преступления с точки зрения Фандорина.

Напряженный тон, взлеты и падения сюжета, задержка речевого развития и внезапный поворот обрамленной истории усиливаются в связи с встроенной историей. Вертикальная двухстрочная встроенная повествовательная структура, состоящая из обрамленной истории загадки и встроенной истории разгадки, стимулирует читательский интерес к произведению. Сюжетная композиция в детективном рассказе организована вне логической, причинно-временной последовательности событий, в результате чего весь смысл реального мира переворачивается в виртуальном хронотопе. Эти несколько парадоксальные соотношения различных граней акунинского текста проявляются не только в противостоянии разгадки загадки, но и в противостоянии справедливости злу. Аналогичным путём образ китайского

философа Те Гуанцзы взаимодействует с образом русского глупца Хруцкого. Рассказ Акунина «Нефритовые четки» содержит и ребусную компоненту. Пространство повествования местами теряется в интригующей неизвестности, которая от обратного располагает читателя к поискам ясности. Глубокое встроенное повествование, дополняя внешнее повествование, обеспечивает равновесие составляющих художественного целого. В результате, при всех зигзагах авторской мысли, является рациональное развитие сюжета. В своей множественности оно выражает трехмерное мироощущение автора и формирует диалектичную модель действительности.

Встроенная повествовательная структура Акунина – это инновация традиционной модели повествования западного детективных произведений. Сюй Няньцы в конце династии Цин уже понял, что детективный жанр отличается структурно-композиционными особенностями от других жанров. Он отметил, что достоинство детективного жанра заключается в композиционной организации, а не в синтаксической конструкции, и его признак совершенствования в форме, а не в духовности [徐念慈, 1906]. Ученые также четко указали, что, хотя детективные произведения как жанр массовой литературы популярен, но это не признак его совершенства [Кёстхейи, 1989]. В истории русского детектива, которая длится более ста лет, Акунин, автор «Нефритовых четок» совершил прорыв в структуре повествования. Его движущей силой у Акунина становится не сюжет как таковой, а столкновения диалогов и единиц действия. Переключения перспективы повествования способствует авторскому показу смешанной ситуации транс и реальности. Их парадоксальное смешение становится своего рода условием приобщения автора и читателя к тайне Фандорина. Ключом к разгадке Фандорина является образ китайского мудреца Те Гуанцзы, возможно рассмотренный как третья сторона композиционной структуры детектива кроме положительной (Фандорин и его помощники) и отрицательной сторон (граф Хруцкий и его сообщники).

Повествование рассказа не ограничивается всеведущим и всемогущим рассказчиком от третьего лица в повествовательном слое обрамленной истории, и рассказчиком от первого лица в слое встроенной истории, и порядок повествования меняется достаточно сложно. Рассказ Акунина разрушил стереотипы образа рассказчика детективных произведений, так как в соответствии с канонами классического детектива рассказчик не может быть ненадежным преступником. А в рассказе «Нефритовые четки», в повествовательной

галлюцинации некоторые голоса Фандорина, помощников, преступника Хруцкого и мифологического образ мудреца Те Гуанцзы и т. д. активно действуют в развитии повествовательного процесса с разных ракурсов, что делает сюжеты запутанными и взаимосвязанными. В частности, изысканное оформление странных сюжетов, таких как легенда о нефритовых четках и китайском кунг-фу на уровне встроенной истории вывело рассказа на совершенно новый уровень, преодолев границу между популярной массовой фантастикой и элитарной литературой и компенсируя недостатки «отсутствия послевкусия» популярных детективных произведений [胡寄尘, 1923, с. 145–148]. Одновременно, во встроенной истории заимствованный сюжет проповеди и решения головоломок китайского мудреца Те Гуанцзы и выраженная в нем мысль китайской даосской философии о взаимосвязи бытия и небытия, и секретности долгожития, создали эфирное, ясное, элегантное, романтическое и изящное трансграничное художественное пространство.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ СТРУКТУРЫ ВСТРОЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ «НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ»

В структуре встроенного повествования «Нефритовые четки» содержат не только пересечения двух сюжетных нитей расположенных в шахматном порядке и параллельных в двух дифференцированных пространстве-времени, но и причинно-следственную зеркальную связь изображаемых авторов феноменов. Она представлена в композиции сюжета.

М. А. Черняк рассматривает зеркальность сюжетной композиции Акунина как важный художественный прием для демонстрации игровых начал в эпоху перемен и ощущения сложного социально-исторического процесса в хаотическом карнавале [Черняк, 2007, с. 30]. Принцип зеркальной композиции сюжета заключается не в символическом смысле зеркального отображения событий или явлений, а в том, чтобы стимулировать реакцию читателя на чтение.

Это зеркальное сцепление сюжетов в структуре встроенного повествования рассказа Акунина по сути представляет собой гетерогенный изоморфизм параллельных интертекстуальных текстов, с целью создать полифонический эффект. Две пространственные парадигмы, состоящие из внешней обрамленной истории и внутренней встроенной истории – русское культурное пространство и китайское культурное пространство – образуют

взаимное отражение, а таинственное пространство легенды о нефритовых четках, олицетворяющих великую мудрость всех существ, значительно усиливает повествовательное напряжение и художественную привлекательность детективного рассказа. Ключевым образом мифологических «нефритовых четок» в этом пространстве, является «изобретение само, что ни на есть старинное, придуманное древними для концентрации мыслительной и духовной энергии»¹. Чтобы доказать достоверность слов рассказчика, организован волшебный сюжетный помощник «нефритовые четки» для продвижения процесса расследования Фандорина, который действительно стал мудрым, вдохновенным и благословленным при держании четок в руке. Фандорин все еще во сне встретился с мудрецом Те Гуанцзы на вершине горы Тайшань, чтобы постичь даосскую мудрость и исследовать путь жизни и смерти.

Словесные ряды двух пространств и времени в структуре встроенного повествования образует зеркальную симметрию. Она представлена в следующей таблице:

Описанная зеркальная композиционная структура рассказа указывает на следующую культурную

пространственную парадигму: с одной стороны, отрицательную хаотическую русскую, связанную с преступлением, с другой стороны, положительную гармоническую китайскую, связанную с китайской философией. Необходимо также отметить, что Фандорин является прямым звеном этих зеркальных отношений и важным компонентом в построении модели двух миров. Здесь очевидна функция главного героя, Фандорина, в качестве связующего звена в зеркальной структуре, движущего сюжеты вперед. Например, повествование о расследовании Фандорина переключается между двумя временами и пространствами, и даже рассказчик намеренно стирает границы двух пространств-времен, создавая виртуальные и реальные ситуации и усиливая зеркальную функцию двух пространств-времен. В русской литературе зеркало – это «граница символической организации, граница между миром 'моим' и 'чужим'» [Левин, 1988, с. 4]. А. Г. Коваленко многозначительно указал на разницу между зеркальным миром, сконструированным Акуниным, и символизмом. В постмодернизме два мира не находятся в бинарной форме «здесь и там». Зеркальный мир превратился в особый объект эстетической игры, поэтому художественная реальность стала полем столкновения

¹ Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2015. С. 124.

Таблица

Сравнение	Элементы повествования	Обрамленная история	Встроенная история
Пространство-время	Место	Москва	Китайский городок
	Культурное происхождение	Россия	Китай
	Время	настоящее	древнее
	Пространство	реальное	фантастическое
Образ	Ключевые образы	убийство	Нефритовые четки
	Цвет образов	Красный	Зеленый
	Форма образов	Неопределенный	Круглый
	Символ	Зло, глупость, грех	Добро, мудрость, успехи
Персонажи	Ключевые персонажи	Граф Хруцкий	Мудрец Те Гуанцзы
	Соотношение с нефритовыми четками	Вор	Хозяин
	Поведение	Установление тайны	Наставление на путь истинный
Дискурсы	Языки	Русский язык	Китайские иероглифы
	Культура	Народная	Китайская
	Дискурс	Народный	Чужой

реального и виртуального времени и пространства [Коваленко, 2000, с. 146].

СТЕРЕОТИПНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Два пространственно-временных мира, разделенных зеркальным отображением в рассказе «Нефритовые четки», демонстрируют четкую симметричную взаимосвязь в последовательности дискурса. В то же время внешнее повествование о народном эпизоде убийства и внутреннее повествование о чужой истории также многослойны и противоречивы на эстетическом и моральном уровнях. Можно сказать, в зеркальной композиции существует скрытый конфликт на втором уровне.

В этом конфликте наблюдаются моральные факторы, ориентированные на высмеивание пороков и несовершенств русского общества с помощью пропаганды моральной силы традиционной китайской философии. Ей напрямую соответствуют политические идеалы управления страной мудрыми философами, воплощенные в сюжете об умственном постижении даосского мудреца Те Гуанцзы, романтическое стремление к борьбе добра со злом и к справедливости с помощью рыцарского духа в китайской культуре боевых искусств, а также культурная критика, отрицающая ориентализм с закрытым, застойным и развращенным коллективным воображением «опиумной империи».

Дифференцированное время и пространство концентрируются на авторских противоречиях. С одной стороны, традиционный китайский культурный дискурс сильно контрастирует с языком и поведением высшего общества XIX и XX веков, придавая детективному рассказу особый экзотический культурный колорит, а восточные культурные символы, наполняющие интеллектуальный контент, своей свежестью и таинственностью пробуждают у читателей чувство шока и саспенса. С другой стороны, дискурс традиционной китайской культуры является ядром повествования детективного рассказа, которое строится на бинарных оппозициях: признание традиционной китайской культуры, представленной нефритовыми четками, и сатирическое изображение китайского образа «опиумной империи» и «застойной империи».

Автор объединяет восточную и западную культуры через зеркальную систему, в большей степени основанную на стереотипах восприятия Запада культуры Китая в рамках дихотомического сопоставления, который рассматривается как образец «государства философов» [刘亚丁, 2010, с. 22–35]. В этой зеркальной системе проявлено национальное сознание России через призму

национального дискурса. Русификация восточной легенды рассматривается как средство литературной интеграции восточной и западной культур на сознательной национально-культурной позиции писателя.

Акунин рассматривает андрогинию Востока и Запада в современном русском литературном творчестве как литературную энтропию, говоря, что она может постепенно разрешать конфликты и достигать гармонии между Инь и Ян [Чхартишвили, 1996, с. 262]. Он считает, что восточная культура – «чужая, странная и экзотическая для Запада. И наоборот.». Как отметил китайский ученый Тянь Хунминь, описание о Китае с трехмерными культурно-историческими координатами «одного тела и двух крыльев», окруженное исторической речью и культурным письмом, участвует в создании исторического повествования и культурной памяти писателя [田洪敏, 2018]. Как культурный образ «другой», китайская традиционная культура участвует в повествовании детективного рассказа Акунина. С одной стороны, тенденция автора к народной легендизации в построении мифов более очевидна, с другой стороны, подчеркнуты особенности межкультурной идентичности зеркального отражения, и раскрыты попытки автора создать новую евразийскую национальную идентичность. Это особенно заметно в метафорической функции восточной мудрости нефритовых четок: каждая нефритовая четка представляет нацию с уникальным порядком, традицией и заблуждением, а собранные по одной линии нефритовые четки являются символом гармонии и единства мира. Только признание различия и укрепление единства наций могут обеспечить статус человеческой цивилизации. Китайские традиционные идеи «гармонии и различий» и «поиска точек соприкосновения при сохранении различий» с открытой литературной концепцией интегрированы в творчество Акунина. Сочетание русских и китайских элементов в рассказе Акунина демонстрирует представление писателя о восточно-западном культурном соответствии в кросс-культурном творчестве и указывает на разработанную Акуниным концепцию мировой литературы.

Заимствование и интерпретация составляющих чужих культур, и сочетание ориентализма с экзотическими обычаями в детективном рассказе Акунина – это творческая стратегия построения национального дискурса. На уровне повествовательной функции речь идет преимущественно о создании текстового пространства, запечатлевающего культурно-историческую реальность для стирания границы между исторической реальностью и художественной фантастикой, и это мультикультурное

сочетание также передает надежду автора на восстановление национально-культурной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом творчество Акунина сохраняет как черты западноевропейских детективов, так и восточные заимствования, которые привносят в западноевропейский контекст долю экзотики. В то же время его детективное творчество Акунина неизбежно подвергается влиянию традиционной русской литературы и постепенно стремится к этнической локализации. Вот почему в фантастической легенде о даосском наследнике Те Гуанцзы и нефритовых четках, а также в формировании китайского литературного образа проявляются шаблонное и стереотипное мышление о Китае. Оно все еще сохранилось в коллективном воображении русских писателей XX века, без инновации эстетических суждений и дискурсивных моделей. «Образ восточного авторитаризма Китайской империи давно уже популяризировался и превратился в общее знание, всесторонне влияя на темы и значения индивидов и текстов, вошедшие в китайское видение, и как разновидность западного культурного дискурса, он постоянно распространяется

и повторяется. И в то же время он также постоянно определяется и обогащается» [周宁, 2004, с. 193–194].

Принцип создания встроенной повествовательной структуры детективного рассказа Акунина по-прежнему служит выражением эстетического идеала автора. Акунин работает в русской литературной традиции. Проза Акунина проникнута глубокими национальными чувствами, осознанием евразийских констант русского этнического бытия. Мысленно охватывая некий русский Универсум, Акунин в то же время тесно связывает будущее страны, судьбу нации, жизнь народа с личным творчеством. Повествовательное построение рассказа Акунина неотделимо от сознания трансформации русской культуры в историческом времени. Акунин стремился творчески использовать восточную культуру для создания новой модели повествования, чтобы добиться глубокого сопереживания от читателя. Межкультурное взаимодействие в детективном рассказе Акунина связывается также с его личным происхождением, жизненным опытом и философией. Писатель лично переживает то, о чем повествует, и в то же время обнаруживает незаурядную литературную эрудицию. Акунина даже называют сочетанием Гоголя, Толстого и Артура Конан Дойла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 里蒙-凯南. 叙事虚构作品[M]. 姚瑞清等译. 北京: 三联书店, 1989. [Риммон-Кенан. Повествовательная художественная литература / пер. Яо Жуйцина и др. Пекин: Саньянь, 1989].
2. 徐念慈. 第一百十三案·觉我赘语[J]. 小说林 [Сюй Няньцы. 113-й случай· повторю слова // Новеллы]. 1906. № 1.
3. Кёстхейи Т. Антология детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Корвина, 1989.
4. 胡寄尘. 我之侦探小说谈[J]. 侦探世界 [Ху Цзичэн. Разговор о детективном романе // Мир детектива]. 1923. № 14. С. 145–148.
5. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2007.
6. Левин Ю. И. К семиотике зеркала и зеркальности // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам XXII. Тарту: Тартуский государственный университет, 1988.
7. Коваленко А. Г. Принцип двоemiрия в русской литературе XX века // Дергачевские чтения-2000: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Ч. 2. С. 141–146.
8. 刘亚丁. 回归“哲人之邦”套话——近30年来俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想像[J]. 俄罗斯研究 [Лю Ядин. Назад к стереотипу «Государства философов» – Использование и воображение традиционной китайской культуры русскими писателями за последние 30 лет // Российские исследования]. 2010. № 5. С. 22–35.
9. Чхартишвили Г. Ш. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254–263.
10. 田洪敏. 鲍阿库宁作品中的中国书写: 历史叙事与文化记忆. 中国比较文学[J] [Тянь Хунмин. Описание Китая в произведениях Бориса Акунина: историческое повествование и культурная память // Сравнительное литературоведение в Китае]. 2018. № 3. С. 132–144.
11. 周宁. 历史的沉船[M]. 北京: 学苑出版社, 2004 [Чжоу Нин. Кораблекрушение истории. Пекин: Издательство Сюэюань, 2004].

REFERENCES

1. 里蒙-凯南. [Rimmon-Kenan] (1989). 叙事虚构作品[M]. [Narrative Fiction: Contemporary Poetics, translated by Yao Ruiqing etc.] 姚瑞清等译. 北京: 三联书店.
2. 徐念慈. 第一百十三案・觉我赘语[J]. 小说林. 1906. № 1 = Xu Nianci. The 113th case-repeat the words // Novels. 1906. № 1.
3. Kestheyi, T. (1989). Antologiya detektiva. Sledstvie po delu o detektive = Anthology of the detective. The investigation into the case of the detective. Budapest: Korvina. (In Russ.)
4. 胡寄尘 [Hu Jichen]. (1923). 我之侦探小说谈[J]. 侦探世界. [Talk about the detective novel. Detective world], 14, 145–148.
5. Chernyak, M. A. (2007). Massovaya literatura XX veka = Mass literature of the 20th century. Moscow : FLINT : Nauka. (In Russ.)
6. Levin, Yu. I. (1988). K semiotike zerkala i zerkal'nosti = On the semiotics of mirrors and specularity. In: Mirror. Semiotics of mirroring. Works on sign systems XXII. Tartu: Tartu State University. (In Russ.)
7. Kovalenko, A. G. (2001). Kovalenko A. G. Princip dvoemirija v russkoj literature XX veka = The principle of duality in the Russian literature of the 20th century. In: Dergachev Readings – 2000 (part 2, pp. 141–146) : Proceedings of the International Scientific Conference. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)
8. 刘亚丁. [Liu Yading]. (2010). 回归“哲人之邦”套话——近30年来俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想像[J]. [Back to Stereotype of “State of Philosophers” – Russian Writers’ Utilization and Imagination of Traditional Chinese Culture in the Past 30 Years] 俄罗斯研究. [Russian studies], 5, 22–35.
9. Chkhartishvili, G. Sh. (1996). No net Vostoka i Zapada net (O novom androgine v mirovoj literature) = But there is no East and there is no West (About the new androgyne in world literature). Foreign Literature, 9, 254–263. (In Russ.)
10. 田洪敏. [Tian Hongmin]. (2018). 鲍阿库宁作品中的中国书写: 历史叙事与文化记忆. [China Rediscovered in Boris Akunin's Works: Historical Narration and Cultural Memory]. 中国比较文学[J]. [Comparative Literature in China], 3, 132–144.
11. 周宁. [Zhou Ning]. (2004). 历史的沉船[M]. [The shipwreck of history]. 北京: 学苑出版社.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цзинцзюань

доктор филологических наук, старший преподаватель
Шанхайского политико-юридического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Jingjuan

Doctor of Philology, Senior Lecturer
Shanghai University of Political Science and Law

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication